

Субъект развития: невидимый фронт битвы за будущее

Философско-конфликтологические размышления

Оглавление

- 1. Введение.** Тот, кто не появляется в отчётах
 - 2. Понятия. Анатомия невидимого**
 - 2.1. Что мы ищем, когда говорим «субъект»
 - 2.2. Развитие без субъекта: оксюморон истории
 - 3. Смыслы и идеи. Четыре проекции субъектности**
 - 3.1. Классический субъект: атом действия
 - 3.2. СМД-субъект: рефлексивный архитектор мыследеятельности
 - 3.3. Субъект развития в российской традиции: от упущенного шанса к методологии сборки
 - 3.4. Генеральный конструктор: проект как пограничная ситуация рождения субъекта
 - 4. Проблемы. Пять апорий субъекта развития**
 - 4.1. Неопределённость заказчика: кто платит за будущее?
 - 4.2. Конфликт мышления и социальности: субъект vs институт
 - 4.3. Имитация субъектности: симулякры развития
 - 4.4. Распылённый суверенитет: государство, корпорации, алгоритмы
 - 4.5. Лакуна кадров: кто готовит тех, кто готовит будущее?
- Заключение.**
-

¹ <https://conflictmanagement.ru/coj-lyubov-nikolaevna/>

1. Введение. Тот, кто не появляется в отчётах

В двадцатые годы XXI века мир заливают океан отчётов. Национальные проекты, стратегии ESG, дорожные карты цифровой трансформации, индикаторы KPI, пилотные программы «социальной архитектуры» — всё это исчисляется, верифицируется, ложится в презентации. Но в этих презентациях нет одной строки. В них нет **субъекта развития**.

Мы научились диагностировать проблемы, прогнозировать тренды, моделировать институты. Мы создали учебники по социальной архитектуре, открыли магистерские программы, провели конкурс социальных архитекторов. Однако главный вопрос, который Зиновьев оставил открытым, продолжает висеть в воздухе, как дамоклов меч: «История стала планируемой и управляемой — но кто планирует? Кто управляет?».

Ответ «государство» — иллюзия. Государство — это аппарат, машина, набор процедур. Но субъект — это не аппарат. Субъект — это тот, кто способен сказать «я беру на себя ответственность» в ситуации, когда инструкция молчит, алгоритм даёт сбой, а будущее разрывается на противоречия. Субъект — это не должность, а **событие**. И с этим событием в современной России происходит нечто странное: его нет в штатном расписании, его не готовят в вузах, его не требуют заказчики — зато его отсутствие превращает самые блестящие проекты в бюрократические фантомы.

Эта статья — не академический обзор. Это философско-конфликтологическое расследование. Мы проследим, как понятие субъекта развития возникало, ускользало и вновь становилось востребованным в трёх традициях: классической философии (от Маркса до постмодерна), СМД-методологии (Щедровицкий, Громько) и российской практике социального проектирования. Мы покажем, что отсутствие субъекта — это не случайность, а системный конфликт между логикой мышления и инерцией социальности. И мы попытаемся ответить на самый трудный вопрос: может ли Россия сегодня стать не просто «территорией», «населением» или «объектом управления», а подлинным субъектом собственного развития — и что для этого нужно.

2. Понятия. Анатомия невидимого

2.1. Что мы ищем, когда говорим «субъект»

В русском языке слово «субъект» имеет два почти не пересекающихся ряда значений. В философской традиции — это носитель действия, сознания, свободы. В бюрократическом языке — это «субъект федерации», «субъект хозяйственной деятельности», то есть юридическое лицо или территория. Первый ряд — живой, конфликтный, событийный. Второй — мёртвый, институциональный, подсчитываемый. Когда мы говорим о «субъекте развития», мы имеем в виду первое, но вынуждены оперировать вторым. Эта языковая ловушка — первая апория.

2.2. Развитие без субъекта: оксюморон истории

Развитие — это не рост. Рост может быть у опухоли. Развитие — это качественное изменение, разрыв с предыдущим состоянием, возникновение нового, чего раньше не было. Но качественное изменение не может произойти «само собой». Ему нужен носитель — тот, кто это изменение замысливает, инициирует и несёт за него ответственность. «Развитие без субъекта» — это оксюморон, который, однако, стал нормой в современном управленческом дискурсе. Мы говорим «регион развивается», «экономика развивается», «институты развиваются» — как будто за этим развитием не стоит ничья воля, ничья рефлексия, ничья готовность платить цену. Такой язык — не нейтральный. Он подменяет политику биологией, выбор — эволюцией, ответственность — стихией.

3. Смыслы и идеи. Четыре проекции субъектности

3.1. Классический субъект: атом действия

В марксистской традиции субъект развития — класс. Пролетариат, в силу своего объективного положения, заинтересован в революционном преобразовании общества. Здесь субъектность выводится из места в производственных отношениях, а не из рефлексии. В либеральной традиции субъект — индивид, наделённый правами и стремящийся к максимизации полезности. В этаквистской традиции — государство как выражение всеобщей воли. Каждая из этих моделей несёт в себе зерно истины, но ни одна не работает в чистом виде, когда мы сталкиваемся с неопределённостью, конфликтом и необходимостью коллективного действия.

3.2. СМД-субъект: рефлексивный архитектор мыследеятельности

СМД-методология (Г.П. Щедровицкий, Ю.В. Громыко) предлагает радикально иную онтологию. Здесь субъект — это не предзаданная сущность (класс, индивид, государство), а **событие**, которое рождается в процессе проектирования. Субъект не предшествует проекту — он возникает в нём, через преодоление конфликта позиций, через рефлекссию собственных оснований, через принятие ответственности в «пограничной ситуации». Именно эту фигуру Громыко называет **генеральным конструктором**. Он не просто знает, как спроектировать здание; он создаёт условия, в которых другие участники становятся субъектами.

3.3. Субъект развития в российской традиции: от упущенного шанса к методологии сборки

В работах В.Е. Лепского понятие субъекта развития получает политическое измерение. Он констатирует: после распада СССР из дискурса исчез сам «субъект развития» — то, кто мог бы взять на себя ответственность за будущее. Вместо него остались «агенты влияния», «стейкхолдеры», «бенефициары» — фигуры, которые могут быть вовлечены в процессы, но не способны к целеполаганию и рефлексии. Выход Лепский видит в «**сборке субъектов развития**» — методологической процедуре, которая объединяет власть,

бизнес, науку и гражданское общество вокруг стратегических целей, не подавляя их функционального конфликта.

3.4. Генеральный конструктор: проект как пограничная ситуация рождения субъекта

Наиболее практическую форму идея субъекта развития обретает в фигуре генерального конструктора. Это не управленец, не политехнолог, не чиновник. Это тот, кто:

- удерживает целое — от ценностной рамки до бюджетной строки;
- организует столкновение позиций, не позволяя ни утопии победить реальность, ни бюрократии задушить инициативу;
- проектирует не «продукт», а «пограничную ситуацию», в которой участники вынуждены взростеть и брать ответственность;
- сам остаётся в тени, потому что его успех — не его личный триумф, а рождённая способность сообщества к саморазвитию.

В этой фигуре конфликт между мышлением и социальностью не подавляется, а становится движущей силой.

4. Проблемы. Пять апорий субъекта развития

4.1. Неопределённость заказчика: кто платит за будущее?

Кто сегодня заказывает развитие? Государство? Но государство в лице чиновников часто заинтересовано не в развитии, а в отчётности и сохранении статус-кво. Бизнес? Но бизнес мыслит горизонтом квартала, а развитие требует десятилетий. Гражданское общество? Оно раздроблено, не имеет ресурсов. В результате проект развития либо остаётся без заказчика, либо заказчик неявно подменяется «экспертным сообществом», которое само не несёт ответственности за реализацию.

4.2. Конфликт мышления и социальности: субъект vs институт

Мышление по своей природе проблематизирует, ставит под вопрос то, что социальность принимает как норму. Социальность (институты, традиции, привычные практики) защищается от проблематизации. Это фундаментальный конфликт. Социальный архитектор, начинающий мыслить, неизбежно вступает в конфликт с социальной средой. Без институционализированной поддержки (позиции методолога, генерального конструктора) этот конфликт разрешается либо уходом архитектора в отвлечённое теоретизирование, либо его подавлением.

4.3. Имитация субъектности: симулякры развития

Самый опасный феномен — имитация субъектности. Проект, который выглядит как субъект (у него есть устав, бюджет, отчётность), но на деле не способен к рефлексии, самоограничению, признанию ошибок. Такой «субъект» воспроизводит себя, а не развивается. Он поглощает ресурсы, но не производит качественных изменений. Российская проектная культура, особенно в госсекторе, перенасыщена такими симулякрами.

4.4. Распылённый суверенитет: государство, корпорации, алгоритмы

В XX веке субъект развития был более-менее ясен: национальное государство. В XXI веке суверенитет расплён. Транснациональные корпорации обладают бюджетами, превышающими ВВП многих стран. Алгоритмы социальных сетей определяют, что миллиарды людей будут видеть и думать. Глобальные финансовые потоки управляются анонимными протоколами. Кто в этой конфигурации может быть субъектом развития — и возможно ли развитие без возврата к жёсткому государственному суверенитету, который уже невозможен?

4.5. Лакуна кадров: кто готовит тех, кто готовит будущее?

Ни одна система образования в мире не готовит генеральных конструкторов. Магистерские программы по социальной архитектуре (МГУ, Финансовый университет, РГГУ) делают акцент на компетенциях, но не на онтологии ответственности. СМД-методология остаётся эзотерическим знанием для узкого круга. Проблема не в отсутствии учебников — проблема в отсутствии **преподавателей, которые сами являются субъектами развития**. Нельзя научить тому, чем не владеешь сам.

5. Заключение.

Если человечество вступило в эпоху, когда история стала планируемой и управляемой, то вопрос о субъекте планирования — это вопрос о том, кому достанется будущее. Варианта три.

Первый вариант — будущее достанется анонимным алгоритмическим системам, управляемым корпорациями. Это «кибер-феодализм», где люди становятся не субъектами, а объектами управления — потребителями данных, источниками предсказаний, элементами «человейника» без права голоса. Такой вариант уже разворачивается перед нами, и он не требует от нас никаких усилий — только пассивного принятия.

Второй вариант — будущее достанется жёсткой государственной мобилизации, возврату к вертикали, где субъект отождествляется с лидером или партией. Это путь, который знает XX век, с его достижениями и чудовищными ценами. Он возможен, но он не решает проблемы рефлексии, не порождает коллективной субъектности, а лишь воспроизводит старую форму, которая уже показала свою нежизнеспособность в долгой перспективе.

Третий вариант — самый трудный и самый интересный. Мы начинаем **сознательное проектирование субъекта развития**. Не «субъекта вообще», а конкретных, укоренённых

в российских реалиях, методологически оснащённых, конфликтно-способных субъектов на всех уровнях: от локальных сообществ до национальных стратегий. Это требует:

- институционализации СМД-методологической экспертизы;
- создания образовательных программ для генеральных конструкторов;
- легитимации функционального конфликта между архитектором, конструктором и методологом;
- отказа от имитации в пользу реального проектирования.

Сможет ли Россия сделать этот выбор? Ответ зависит не от абстрактных законов истории, а от того, появятся ли люди — в науке, в управлении, в образовании, в бизнесе, — готовые взять на себя ответственность за целое. Без них социальная архитектура останется фасадом. С ними — она станет тем, чем должна быть: **практикой рождения будущего.**

Литература

1. Громько Ю.В. Организационно-деятельностные игры: от проблематизации к проектированию. — М.: ШКП, 2000.
2. Лепский В.Е. Субъектно-ориентированный подход к инновационному развитию. — М.: Когито-Центр, 2009.
3. Лепский В.Е. Аналитика сборки субъектов развития. — М.: Когито-Центр, 2016.
4. Щедровицкий Г.П. Избранные труды. — М.: Школа культурной политики, 1995.
5. Цой Л.Н. Субъект развития: исторический и философский контекст // Материалы XXIII Международной конференции «Рефлексивные процессы и управление». — М., 2023.
6. Цой Л.Н. Феномен организационно-деятельностных игр (ОДИ) как форма мыследеятельности // Конфликтология. — 2025. — № 4.
7. Поппер К. Логика научного исследования. — М.: Республика, 2005.
8. Фуко М. Проблематизация // Интеллектуалы и власть. — М.: Практика, 2002.
9. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. — М.: Искусство, 1979.
10. Зиновьев А.А. Глобальный человек. — М.: Алгоритм, Эксмо, 2006.

